

Памяти Геннадия Семеновича Батыгина

1 июня 2003 года ушел из жизни блистательный ученый и замечательный человек Геннадий Семенович Батыгин.

Первого июня умер Гена Батыгин. Ему было немногим за пятьдесят. Обстоятельства перекликаются с теми, в которых ушел из жизни магистр Иозеф Кнехт у Германа Гессе в «Игре в бисер». На велосипедах ехали от Наро-Фоминска до Серпухова. Перед концом последнего подъема он шел первым. Сердце не выдержало.

Его смерть — страшный удар для знавших и любивших его. Общение с ним было радостью; он умел оставлять других свободными. Умел быть определенным и четким с теми, кто хотел того. Говорят, много не успел. В его случае это правда только потому, что он много успел сделать в жизни. Постоянно совершенствовал себя, не изменяя себе. Осознанно подчинил жизнь рутинной, как черный хлеб, каждодневной работе. Мысль, что только через такую работу проходит путь к настоящим научным знаниям, была для него естественной. Сотням он помог прийти к осмысленной жизни. Для многих молодых людей стал учителем не номинально, а по сути, по их собственному сердечному признанию. Дал окружающим его действенные уроки различения глубин, скрытых в других людях. С какой любовью он, пренебрегая внешними условностями, поддерживал в учениках то, что дает смысл бытию и в конечном итоге напрямую ведет к основаниям науки! Квазинаучной культуре удушающих артикуляционных и лексических привычек он спокойно, без аффекта противопоставил последовательное, неуклонное стремление к простоте и ясности в решении самых сложных вопросов методологии получения социальных знаний. Действуя в институциональных рамках не лучшей пробы, он подчинил их строгому, неукоснительному служению науке.

Преподавание, студенты, аспиранты, редкие встречи с друзьями, занятия в библиотеке. Он любил тексты, любил их знать и знал, считал это своим долгом. Создание корпуса высококачественных текстов в организованном и поставленном им на ноги «Социологическом журнале» определял как одну из главных своих задач. Заложниками обязательств перед «невидимым колледжем», как говорил Гена, они с Ларисой и сотрудниками, а часто и одни, без выходных корпели над текстами журнальных статей. До поздней ночи работали в институте, потом работа продолжалась дома, в однокомнатной квартирке в Очаково... Теперь все предстоит делать без него, вызывая в памяти лишь его образ, образ его мысли и действий.

Он был изыщен во всем. В манере говорить, в стиле жизни, научной работы, в стиле ведения методологического семинара по четвергам в небольшой комнатке на четвертом этаже Института социологии на Кржижановского. В любых его начинаниях ненавязчиво, между строк, но предельно внятно заявляло о себе мощное объединяющее начало, под знаком которого проблемы социальных знаний обнаруживают очевидное и абсолютно земное, реальное единство с проблемами биологии, лингвистики, точных наук. Ему

Памяти Геннадия Семеновича Батыгина

было важно чувствовать себя участником невидимого колледжа тех, кто, работая в науке, умеет отрешиться от себя в пользу мира на началах, объединяющих современников с давно ушедшими, чьи следы в жизни и науке невозможно обойти. Он воссоздавал и воспроизводил этот колледж, двигаясь впереди учеников, задавая планку, как в первый день этого лета, когда его не стало. Лариса, мама, дети... Для всех беда, а для них... Последние слова, которыми он закончил наш разговор по телефону за три дня до того: «Ничего, прорвемся...».

С. В. Чесноков

Не стало Геннадия Семеновича Батыгина. Это был бесконечно талантливый человек. Помимо всего он был талантливейшим редактором, журналистом, издателем. Мне посчастливилось с ним работать в «Социологических исследованиях», затем в «Социологическом журнале».

Дар редактора, журналиста проявился в нем как-то сразу. Периода ученичества не было. Разумеется, с годами накапливался опыт, но основные принципы работы с авторами и текстом он когда-то определил для себя раз и навсегда. Конечно же, изо дня в день, систематически он занимался самообразованием, даже будучи уже сложившейся, состоявшейся личностью. Вот тому пример. Как-то мы ехали в метро, и я обратил внимание, что он держит в руках небольшого размера продолговатые листки бумаги со стихами. Я спросил, что это? Оказалось — «Евгений Онегин». Он не просто перечитывал роман. Он учил его наизусть (за неимением времени учил преимущественно в транспорте) — строфу за строфой, главу за главой. Видимо, он считал, что этот источник творческого вдохновения у него всегда должен был быть под рукой.

Поражала интеллектуальная мощь Батыгина. Он виртуозно владел техникой убеждения оппонента и, если хотите, разумного компромисса. Во времена Главлита и ЦК КПСС он «отбивал» у нерядовых сотрудников этих организаций заведомо «непродуктивные» статьи.

И вместе с тем в принципиальных вопросах он отстаивал свою точку зрения с поразительным безразличием к возможным отрицательным для себя последствиям. Это было одним из слагаемых его профессиональной этики, которую он никогда не рассматривал как декларацию о намерениях, а старался организовать на соответствующих принципах окружавшую его жизнь.

Один из сотрудников Института социологии, доктор наук, занимавший не последнее место в партийной организации, опубликовал книгу, в которой, как оказалось, страницами цитируется без каких либо ссылок кандидатская диссертация аспиранта. Геннадий Семенович, бывший к тому времени заместителем главного редактора «Социса», решил организовать статью о плагиате. Акция по тем временам (примерно середина 1988 г.) неслыханная, во всяком случае в социологии. Публикация представляла собой параллельное цитирование текста книги и текста диссертации с небольшим введением и заключением, написанными Батыгиным. Материал в составе очередного номера был послан в набор. Но на стадии верстки по не зависящим от Геннадия Семеновича причинам статья была снята. Это стало одной из причин ухода Батыгина с поста заместителя главного редактора «Социса» и его перехода в Институт книги.

Говорят, каждый журнал — это портрет его главного редактора. Для «Социологического журнала», который Геннадий Семенович создал в 1994 г., более чем верное суждение. Это был поистине батыгинский журнал. Он его делал от начала и до конца, от заказа статей, их редактирования, создания макета вплоть до сдачи в типографию и вывоза тиража. Ни одна из стадий работы не проходила без его непосредственного участия. При этом никакого намека на авторитарность не было и просто быть не могло (блестяще его охарактеризовала одна студентка: «Тихий харизматик»). Просто при обсуждении тех или иных статей, содержания номеров его доводы нам представлялись

убедительными и как бы само собой разумеющимися («Почему мы сами до этого не додумались?».) Наши же предложения приобретали какое-то новое неожиданное звучание.

Рецепт издания классного журнала прост: надо публиковать хорошие статьи и не публиковать плохие. Геннадий не просто обладал поразительной способностью глубоко оценивать материал и его перспективы. Он через журнал, в своей научной деятельности задавал критерии «достойной» публикации, которым принято было следовать. Разумеется, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что номер невозможно сделать из одних «вечных». Одна из его любимых фраз: «В номере может быть одна-две гениальные статьи, не больше. И дай Бог, если они в этом номере есть». Он просто стремился делать профессиональный журнал для профессиональных социологов.

Геннадий не был склонен показывать свои эмоции на людях. Но одно я знаю наверняка: для него высшей радостью была радость исполненного долга.

М.А. Мануильский

Я не помню, когда и при каких обстоятельствах мы познакомились. Я знал Гену Батыгина всегда.

Мы жили и работали в разных городах: он в Москве, я в бывшем Ленинграде. Я старше его на 10 лет. Нас никогда не связывали никакие формальные отношения. Мы не участвовали ни в одном из совместных проектов. Я не помню, чтобы мы когда-либо говорили с ним о политике или об окружающих нас людях.

Мы работали в одном профессиональном цехе. Это было и основой наших встреч и главным мотивом. Каждая встреча — а в некоторые годы я бывал в Москве по несколько раз в месяц — продолжала предыдущую... Она начиналась в редакции тогда единственного в Союзе профессионального журнала «Социологические исследования», продолжалась по дороге к нему домой и потом — до поздней ночи. Нередко я оставался у него до утра. Зная о моих регулярных поездках между Ленинградом и Москвой, он говорил: «Ну ладно, старичок, заходи завтра...».

В те годы нас интересовали методология измерения социальных процессов, развитие эмпирических методов социологии, некоторые аспекты истории и философии социального познания. Наши беседы никогда не были рассмотрением частных, конкретных вопросов, нас тянуло к поиску каких-то констант, детерминировавших процесс научного познания.

Он не только прекрасно знал философию и социологию, у него было удивительное понимание взаимосвязи этих предметов. Он видел различие в историческом и логическом, но это различие ему не было интересным. Намного интереснее ему было искать те области, где в силу каких-то причин логическое и историческое представлялись ему едиными. Ибо это — точки роста нового знания.

В беседах он не старался доказывать свою правоту, он стремился понять себя. Его определение социологии: «Социология — это то, что мы публикуем в нашем журнале» не было заявлением чиновника, следовавшего какой-то свыше заданной политике. Он чувствовал свою правоту в понимании движения социологии и по-своему пытался противостоять жестким идеологическим императивам конца 1970-х — первой половины 1980-х годов.

Мой переезд в Америку не разорвал наших отношений. У меня на полке стоят почти все выпуски его «Социологического журнала». В нем публиковались многие авторы, но журнал был «батыгинским».

Он многое сделал. Но очень многое еще мог сделать.

Борис Докторов

Памяти Геннадия Семеновича Батыгина

Впервые мы встретились с Геней почти 27 лет назад. В августе 1976 г. я, студент второго курса вечернего отделения философского факультета МГУ, купил на станции метро «Университет» журнал «Социологические исследования» и, прочитав его, понял, что хочу стать социологом. Собравшись духом, я позвонил по телефону, который нашел в журнале. Мне повезло, и вскоре я был принят лаборантом в сектор прогнозирования образа жизни Института социологических исследований АН СССР. Возглавлял его профессор И.В. Бестужев-Лада. Оказалось, что, когда я позвонил, в редакцию заглянула его секретарь Н.П. Гришаева. Как раз ей-то Игорь Васильевич и поручил найти лаборанта.

Да, мне повезло: в то время в институты АН СССР редко брали на работу «с улицы». Но тогда я еще не знал, *как* мне повезло: младшим научным сотрудником этого сектора был Гена Батыгин. Наша первая встреча навсегда останется в моей памяти. В комнате появился молодой человек в очках, с бородкой, в потертом коричневом кожаном пиджаке. Увидев меня, он обаятельно улыбнулся, протянул руку и представился: «Батыгин, Гена». Улыбка его была с лукавинкой, даже чуть насмешливая. Между тем манера вести себя отличалась обезоруживающей простотой. Всем своим видом он как бы давал понять: «Не боги горшки обжигают». Я подивился, насколько крепким было рукопожатие. Потом я узнал, что он постоянно занимался физкультурой, следуя правилу «В здоровом теле — здоровый дух». Физическая сила не могла не вызвать у меня, 20-летнего парня, уважения.

Мы разговорились, и я быстро понял, что передо мной человек сильный не только физически, но и интеллектуально. Казалось, Гена знал все. Но главное — он обладал твердыми знаниями во многих областях гуманитарного знания. Особенно впечатляло, что его познания имели не отрывочный, а *системный* характер. Позднее я понял и по достоинству оценил, что за этим стоит. Гена был на редкость трудолюбив и упорен в достижении поставленных целей. Он не хватал звезд с неба — он зарабатывал их тяжелым изнурительным трудом. Когда я узнал, что Батыгин закончил дневное отделение философского факультета МГУ с «красным дипломом», мое уважение к нему еще более возросло: мне как студенту, да еще «вечернику», было понятно, что означал «красный диплом» на дневном отделении МГУ. Мы стали обмениваться с Геней мнениями, дискутировать, иногда спорить. И чем чаще мы общались, тем больше мне хотелось быть рядом с ним.

Наверное, так всегда и возникает дружба. Рутинная, скучная лаборантская работа в институте, лишённая всякой самостоятельности (надо было дежурить по «неприсутственным» дням и оказывать «техническое» содействие научным сотрудникам в «присутственные»), казалась мне малопривлекательной. Я мечтал о «конкретных социологических исследованиях»: о них я прочитал в журнале, а вместо этого должен был «сидеть на телефоне» в пустой комнате, «считывать» статьи и книги, смысл которых не вполне понимал. Я даже начал подумывать об увольнении. Но дружеские отношения с Геней совершили чудо: рутинная повседневной работы отошла на второй план, я ехал в ИСИ на другой конец Москвы в надежде снова встретить Батыгина и поговорить с ним о философии, социологии, русской классической литературе, вообще — обо всем на свете. Он стал для меня не просто другом. Я нашел в нем старшего брата, в житейском плане более мудрого, а потому имевшего, на мой взгляд, моральное право давать мне советы. Следование им определило мою дальнейшую судьбу.

Особенно меня подкупало в Гене одно редкое качество. Обычно его называют «доброжелательность», «отзывчивость», «готовность прийти на помощь». Но все это — «вершки». «Корешки» я бы назвал «добротолубием». Я глубоко убежден, что деятельный альтруизм, замешанный на православной традиции, был стержневым качеством его личности. Важный биографический факт: до поступления на философский факультет Гена хотел посвятить себя служению Богу и людям в Русской православной церкви. Новый Завет Гена знал едва ли не наизусть, часто его цитировал. Впрочем, неплохо знал он и Ветхий Завет, Талмуд. Как бы то ни было, стремление делать людям добро приобрело у него самобытную, выстраданную им мирскую форму служения людям в

позитивной социальной науке и посредством нее. Наверное, философский факультет МГУ привел Батыгина к гуманистическому переосмыслению Библии на основе трудов О. Конта, К. Маркса, У. Джемса, Э. Дюркгейма и других ученых.

Но тогда, в конце 70-х, я не анализировал то, каким открылся мне Батыгин. Я увлекался в то время живописью, и как-то само собой получилось, что образ доброго и мудрого Гены, ставшего для меня больше, чем другом, я с любовью изобразил пастелью. Портрет удался. Я принес его в институт, чтобы подарить Гене. Забывавший к нам в сектор Саша Синельников, увидев портрет, искренне удивился: «Ба, да это Гена Батыгин! Какой он у тебя иконописный вышел!». Тогда я не придавал этим словам значения. Мне казалось, что *Гена такой на самом деле*. Сегодня я лучше понимаю эти слова. Мощь влияния одного человека на другого (если второй видит в первом для себя образец) такова, что не может сравниться ни с чем на свете. *Imitatio Christi*. В социологии есть для этого специальный термин — «харизма». Правда, он уже обеднен научно-рациональным контекстом. Вся история человечества строилась и строится на следовании каждого в отдельности и всех вместе высшим ценностным образцам. А они достигают максимальной степени своего воздействия только в человеческо-личностной форме.

Сегодня, когда я анализирую, иногда критически, влияние Батыгина на мою профессиональную карьеру и личную судьбу, я вижу, насколько оно велико.

Я не ушел из института, где работаю по сей день, только благодаря Гене. Я порывался сделать это, по меньшей мере, трижды. Наверное, столько же раз меня могли уволить, если бы не вмешательство Гены. Благодаря его начальственному влиянию я из «простого» научного сотрудника сделался как-то между прочим «ведущим». Мои первые два «конкретных социологических исследования» мы провели с Геней: на 26-м автокомбинате и в тресте «Мосэнерго». Моему первому участию в научной конференции в Звенигороде я обязан Гене. Мои первые публикации, скрытый смысл которых: «в социологии ровно столько науки, сколько в ней математики», написаны в институтских сборниках в соавторстве с Батыгиным. Писал их Гена.

Мои первые авторские статьи были опубликованы в «Социологических исследованиях» Геней, когда он работал заместителем главного редактора этого журнала. Две курсовые и диплом в МГУ я написал по неокантианству, заняться которым мне посоветовал Гена. Прочитать «*Das Ressentiment im Aufbau der Moralen*» М. Шелера в русском переводе очень хотел Гена — и я осуществил его желание, поблагодарив в слове «От переводчика» Г.С. Батыгина, «под дружеским патронажем которого началась и закончилась работа над переводом». Мои последние публикации по социологии знания, в которых я излагаю взгляды, далекие от тех, что проповедовал профессор Батыгин, были адресованы тем не менее в первую очередь Гене.

Я назвал лишь самые значительные события, мелким же несть числа. Все в целом они образуют эгоцентрический феномен «мой Батыгин». Но если отбросить воспоминания «о себе любимом» и призадуматься, то приходишь к объективной оценке. Конечно, может быть, Малинкин и был первым, но сколько потом появилось таких, как он? Можно назвать десятки имен. Каким же большим должно быть сердце человека, какой открытой должна быть его душа, что бы их постоянно хватало на десятки совершенно разных людей, несущих в себе подчас противоположные экзистенциальные переживания и идейные интенции? Если соединить опыт тех, кто, как я, может сказать «мой Батыгин», в нечто общее под названием «наш Батыгин», то впервые открывается масштаб личности этого незаурядного человека: крупный масштаб, если не сказать великий.

А.Н. Малинкин

Памяти Геннадия Семеновича Батыгина

Смерть Геннадия Батыгина — самая неожиданная и трагическая за последние годы.

Никто и никоим образом не мог предположить, что так внезапно, на взлете, на подъеме оборвется жизнь этого замечательного человека и ученого. В одном из своих последних интервью, помещенном на сайте Московской высшей школы социальных и экономических наук и посвященном планированию индивидуального времени, Геннадий Семенович писал, как нечто само собой разумеющееся, что предполагает прожить до лет, так скажем, восьмидесяти... До сих пор трагический факт его смерти нельзя осознать как реальный, достоверный. Он какой-то ненастоящий, и только путем немалого усилия воли заставляешь себя осознать его как объективную данность. И вот уже нет Геннадия. И не будут приходить по электронной почте его короткие, но куртуазно вежливые письма.

Пролистывая на экране компьютера еще живые послания от Геннадия, невольно придаешь им сегодня особый смысл. Просьба поддержать молодого социолога... Просьба по возможности трудоустроить одаренного коллегу из провинции... Просьба написать рецензию на новую книга мэтра... О себе ничего. Только о деле, только о других, вернее, для других.

Мы оба учились приблизительно в одно время на философском факультете Московского государственного университета. Прекрасно помню Геннадия в коридорах гуманитарного корпуса, на одиннадцатом этаже. Но в те годы знакомства нашего не случилось. Курсы были разные, как, впрочем, и кафедры, по которым мы специализировались.

Гораздо позднее, в начале 90-х годов, имя Геннадия Батыгина возникло и стало мушкетироваться в сферах одного из вновь открытых социологических факультетов МГУ в качестве чуть ли не штатного критика научной продукции вновь созданного факультета, будь то в издательствах, ВАКе, журналах и других экспертных советах. Принципиальность Батыгина пугали молодых аспирантов и соискателей социологических степеней. Подчас даже пытались приурочить прохождение той или иной работы через экспертный комитет к командировке или отпуску Батыгина.

Со временем близко познакомившись с Геннадием и став его коллегой во всех этих советах и комитетах, я обнаружил, что его высочайшая научная принципиальность и даже порой некая иступленность сочетались со столь же очевидной добродушной терпимостью. Но были вещи, которых он не мог прощать. Особенно ясно это стало в связи с ростом в современной российской социологии вторичности, эпигонства, откровенной научной несостоятельности и «парасоциологичности», т. е. использования социологической риторики и отчасти терминологии для выражения далеких от науки и профессиональной этики идеологизированных позиций. В таких случаях едкий и уничтожающий сарказм Геннадия не знал границ. Причем, дело одними словами не заканчивалось. Свое мнение он доводил до конца, до решения, до «оргвыводов». Но поразительно то, что заостренная принципиальность Геннадия, разившая и далеких и близких коллег, никогда не вызывала ответного протеста. Она воспринималась как таковая, как факт, который надо воспринимать в его целостности. Быть может, это объяснялось тем, что свое мнение Геннадий всегда основывал на доскональном знакомстве с рукописями, текстами и никогда не на приклеивании заранее подготовленных ярлыков. Это ценится даже пострадавшими.

Геннадий обожал чтение. Любое чтение — чтение книг, рукописей, верстки, электронной почты, Интернета. Но, естественно, социологическое чтение прежде всего. Он был воистину книжным человеком *per excellence*. Достаточно было увидеть его в читальном зале МВШСЭН, чтобы сразу понять, что перед тобой счастливый человек. Лицо его излучало просветленность. Здесь он проводил немалую часть своего времени, здесь он встречался со студентами и коллегами, здесь было легче всего найти его в случае острой необходимости.

Глубочайшую научную и книжную культуру Геннадий перенес в свой журнал, который стал ведущим периодическим изданием в области научной социологии. Было бы

недостаточно сказать, что «Социологический журнал» был хорошим, замечательным и пр., и пр. Речь о другом. Журнал Геннадия Батыгин создавал, удерживал и повышал уровень профессиональных стандартов в нашей науке. Журнал был системой отчета, системой профессиональных культурных эталонов, форумом для общения социологов всех поколений и любой географии, но объединенных общей приверженностью традициям международной социологии, включая и российские традиции. Подчас издание журнала было сопряжено с героическими усилиями, прежде всего по финансовым обстоятельствам. Но каждый раз Геннадий находил выход, и его великое дело продолжалось. Он жил журналом в том смысле, что это было воплощением его мысли и чувства, его вторым Я. Наверное, это можно назвать самопожертвованием, полным погружением в любимое дело своей жизни. Ну что ж, счастлив тот, кто обрел такое состояние души.

Косвенным, но важным подтверждением этих слов могло стать и то, что при внешней жесткости и некой саркастичности Геннадий всегда и везде был окружен коллегами. Он был в центре общения и сам концентрировал вокруг себя это общение. Все хотели поговорить с ним, узнать или уловить его мнение и соотнести это мнение со своим. Ближний круг «сети» Геннадия — это Институт социологии РАН. Он любил институт, как, впрочем, и школу Шанина, а также и Университет дружбы народов. Именно любил, что не исключало в каких-то случаях и конфликтов, которые, насколько мне известно, носили исключительно принципиальный характер, а не игру амбиций. Но, в любом случае, Геннадий с огромной отдачей и как исследователь, и как издатель, и профессор работал в этих учреждениях, всегда выступая их представителем и гарантом их профессионального уровня, их «маркой».

Помимо московской сети общения Геннадия существовала и большая «сеть» его учеников и коллег во многих регионах России — Краснодар, Нижний Новгород, Новосибирск, Иваново. Повсюду Геннадий вылавливал (другого слова и не придумаешь) одаренных молодых социологов и всеми силами продвигал их в Москве и за границей. В этом смысле ни одна программа, которую возглавлял Геннадий, не испытывала кадрового голода. Для любого созданного им дела чудодейственным образом находились и участники и помощники. Притом нередко это были новые имена и новые таланты. Все продолжалось, все получалось и материализовывалось в публикациях. Здесь господствовали жизнь, организованность, целенаправленность, некая системность.

В этом смысле, безусловно, возникла школа Батыгина. Как сложится ее дальнейшая судьба?

Этот вопрос далеко не единственный из тех, которые трагически возникают в связи со смертью Геннадия Семеновича Батыгина. Ушел замечательный человек и ученый, но одновременно оказался оголенным и важнейший участок профессиональной линии. Как все будет дальше? Трудно сказать.

Н.Е. Покровский